

**«СЕРДЦЕ МИЛУЮЩЕЕ»:
ОБРАЗЫ ПРАВЕДНИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
И СВ. ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ**

Образы праведников в их любви к творению в творчестве Ф. М. Достоевского (кн. Мышкин, Макар Иванович, Маркел, Зосима) рассматриваются в перспективе раннехристианской традиции «милующего сердца» (преп. Исаак Сирин), представленной в образе св. Франциска Ассизского. В образах праведников Достоевского выявляется францисканский слой — образы, мотивы, экфрасис, сближающие христосиликих героев со св. Франциском.

Ключевые слова: Достоевский; образ праведника; христианская традиция; св. Франциск Ассизский; христианские концепты; экфрасис.

Как верно заметил С. С. Аверинцев, из всех западных святых св. Франциск Ассизский (1181/1182–1226) имел для русской культуры особое значение, став «любимым святым интеллигентов», «одним из неофициальных небесных заступников русской литературы»¹. Русская культура в полной мере открывает св. Франциска на рубеже XIX–XX веков, но, как мы увидим далее, образ св. Франциска актуализируется уже Ф. М. Достоевским.

В западной традиции идеал *милующего сердца* наиболее полно воплотился в образе св. Франциска Ассизского, обращавшегося к животным как разумным существам, видевшего в них братьев и сестер, и животные отвечали ему любовью, становились ручными, послушными. Отношение Франциска к животным пронизывает именно *материнская жалость, сострадание* в духе Слова преп. Исаака Сирина (VII в.) о милующем сердце².

Наиболее важным контекстом для раскрытия милующих творение праведников Достоевского выступают два самых известных францисканских текста — проповедь св. Франциска птицам (из «Первого жития св. Франциска» Фомы Челанского (1229)) и «Песнь брата Солнца» (1222–1224). С «Песней брата Солнца, иначе именуемой „Похвалой творениям“» Достоевский мог быть знаком в переводе А. Веселовского (1866)³, который видел в этом «известном гимне к солнцу» присущее христианству *сентиментальное* переживание природы (праведникам Достоевского от Мышкина до Зосимы присуща эта личная сентиментальность (умиление), одним из источников которой можно считать статью Веселовского).

Мотивы, сближающие образы Зосимы и Франциска, первой отметила в 1983 году В. Е. Ветловская⁴. Францисканские мотивы в образе Зосимы подтверждаются прямым соотношением старца со св. Франциском

в финале главы «Великий инквизитор» (Книга пятая. Pro и contra), где Иван Карамазов называет Зосиму «Pater Seraphicus» («Серафический отец») — одним из имен св. Франциска, а Алеша видит в Зосиме — «серафическом отце» — спасителя от демонизма, развернутого Иваном в его поэме об инквизиторе⁵. Демонической философии Великого инквизитора Достоевский противопоставил христоликий образ Зосимы, его житие и поучения в «кульминационной» шестой книге («Русский инок»), которая первоначально была названа писателем «Pater Seraphicus», о чем он писал в письме к Н. А. Любимову от 8 июля 1879 года⁶.

Прежде всего Зосиму и Франциска сближает такая сущностная христианская черта, как «духовная радость», которую, как говорит Зосима, «лишь праведный обретает»⁷. *Laetitia spiritualis* (радость (веселость) духовная) — важнейшая добродетель францисканства. Франциск «во множестве превратностей сохранил радостный лик»⁸. Лицо Зосимы «ясное, почти радостное, а взгляд веселый, приветливый, зовущий»⁹. У обоих эта духовная радость изливается на творение. «Исполнившись великой радости», Франциск проповедует *птицам* (Ил. 1. Мастер св. Франциска. Сцена из Жития св. Франциска: Франциск проповедует птицам. 1260–1263 гг. Фреска. Нижняя церковь Сан-Франческо, Ассизи): «А птички, к которым он обращался, называя их братьями, дивным образом выражали свою радость»¹⁰. Брат Зосимы, Маркел, лик которого «веселый, радостный»¹¹, прося у птичек прощения, обращается к ним, как и Франциск в своей проповеди, в уменьшительно-ласкательной форме (*um. Sirocchie mie uccelli* — букв.: сестрички мои птицы; в переводе А. Печковского — «Сестрицы мои пташки»¹²): «прилетели ранние птички, гогочут, поют ему в окна. И стал он вдруг, глядя на них и любуясь, просить и у них прощения: „Птички Божии, птички радостные, простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил“»¹³.

В. Герье отмечал, что «душевное веселие» св. Франциска было выражением нового монашеского идеала: если средневековый аскетизм стремился к небесному царствию, считая, что «земной мир полон зла и нечестия и потому достоин лишь презрения» (*лат. Contemptus mundi* — презрение к миру), то «в лице Франциска аскетизм приходит к сознанию, что и земной мир есть мир Божий и потому прекрасен. Франциск <...> любит стихиями, цветами и всякою живою тварью»¹⁴.

Это радостное переживание природы как *мира Божия, Царствия Божия на земле* присуще праведникам Достоевского, в чистой, *милующей* душе которых отражается райская, первозданная красота творения и животных («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8)). Мир открывается им и созерцается по-райски преображенным, чудесно возвращенным к своей изначальной чистоте («жизнь есть рай»¹⁵). В романе «Идиот» (1869) это выражается «заповедью блаженства» кн. Мышкина: «как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым,

что видишь его? <...> Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...»¹⁶ Будущему старцу Зосиме, офицеру Зиновию, отказывающемуся на дуэли от ответного выстрела, открывается райская красота мира, которую он переживает с восторгом и умилением («дух даже у меня захватило, сладостно, юно так, а в сердце такое счастье»): «посмотрите кругом на дары Божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и заплачем...»¹⁷ В «Песне брата Солнца» св. Франциск славит Бога за сотворенные Им «дары Божии» — за «воздух» (aere), за «ясную погоду» (sereno — *букв.: ясность*), за травы (herba)¹⁸, которые у Достоевского соединились с образом птичек из проповеди Франциска птицам (sirocchie mie uccelli).

Повествуя о своем странствии по Руси, Зосима рассказывает об умиленном созерцании им и «благообразным юношей» первозданной, «благолепной» красоты Божьего мира: благообразие человека соотносится с благолепием созерцаемого творения. Пейзаж одухотворяется, наполняясь христианскими концептами созерцания, умиления (передаваемого уменьшительно-ласкательными суффиксами), исихии (в образе тишины и молчания), «благолепия» (выражаемого анаграмматическим нагнетанием ключевых звуков *л, б, п*, особенно в фонических сочетаниях *пл/бл/лп*), Святого Духа (через образы тумана, свежести, легкости), молитвы: «И вижу я, смотрит он пред собой умиленно и ясно. Ночь светлая, тихая, теплая, июльская, река широкая, пар от нее поднимается, свежит нас, слегка всплеснет рыбка, птички замолкли, всё тихо благолепно, всё Богу молится»¹⁹. В этом образе молящегося творения Зосима близок «Песне брата Солнца», в которой все творения хвалят Бога: «Laudato sie, mi' Signore, cum tucte le tue creature»²⁰ — «Восхвален буди, Бог и Господь мой, всеми тварями и паче всех господином моим солнцем, который лиет день и свет на нас»²¹.

В рассказе странника Макара Ивановича («Подросток», 1875) о поминичестве в Богородский монастырь одухотворенность умиленно созерцаемого им пейзажа выражается концептами милости, созерцания, исихии (в образе тишины), Святого Духа (через образы легкого воздуха (дыхания), легкого сна), умаления и умиления (уменьшительно-ласкательные суффиксы), но главным в этом переживании мира как рая является ощущение мистической тайны (*греч. mystikos* — таинственный) — его апофатической непостижимости («неизреченная красота»): «...во всем тайна Божия. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая тайна заключена. Птичка ли малая поет, али звезды всем сонмом на небе блещут в ночи — всё одна эта тайна, одинаковая. <...> Восклонился я,

*милый, главой, обвел кругом взор и вздохнул: красота везде неизреченная! Тихо всё, воздух легкий; травка растет — расти, травка Божия, птичка поет — пой, птичка Божия, ребеночек у женщины на руках пискнул — Господь с тобой, маленький человечек, расти на счастье, младенчик! <...> Склонился я опять, заснул таково легко. Хорошо на свете, милый!»*²²

В этом созерцании Макара Ивановича также проступает францисканский слой — образы звезд («Похвалим Господа <...> и за звезды: он создал их в небе, светлые и прекрасные»²³; *ut. stelle, in celu l'ài formate clarite et pretiose et belle*²⁴ — *букв.*: звезды, в небесах Тобой сотворенные яркими, драгоценными и прекрасными), воздуха, птичек, травки.

Травка, как и образ птичек, являясь лейтмотивным в словах праведников Достоевского, также раскрывает свои францисканские смыслы. В *индивидуализированном* образе молящейся Богу травки из черновых материалов к роману «Подросток» присутствует персонифицированное восприятие природы св. Франциском: «Каждая травка молится»²⁵, «Каждая травка поет»²⁶; в одном из вариантов финала («Гимн всякой травке и солнцу»²⁷) — аллюзия на «Песнь брата Солнца», фрагмент которого в переводах Шевырева и Веселовского завершается образами «разных плодов и расписанных цветов и трав»²⁸, «цветов разных и трав», что «производит» «наша мать земля»²⁹ (*ut. produce diversi fructi con coloriti flori et herba*³⁰ — *букв.*: производит различные плоды и разноцветные цветы и травы).

В образе травки у Достоевского — экфрасис итальянской религиозной живописи эпохи Возрождения с характерной для нее тщательной разработкой трав и цветов: они изображаются не как условный фон религиозного сюжета (что характерно для иконописи), а *индивидуально*, в частности, на картинах, которые Достоевский не мог не видеть в галерее Уффици (Рафаэль Санти. Мадонна с щеглом. 1505–1506; Сандро Боттичелли. Весна. Ок. 1482. Галерея Уффици, Флоренция); тщательную разработку трав мы видим и на любимом пейзаже писателя в Дрезденской галерее (Клод Лоррен. Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей. 1657. Галерея старых мастеров, Дрезден), названном им «Золотым веком», то есть выразившем представление Достоевского о рае. Образ травки можно возвести и к оде Ф. Шиллера «К Радости», которую в переводе Ф. И. Тютчева цитирует Дмитрий Карамазов (Радость «травку выманила к свету»³¹).

Таким образом, глубинный смысл ключевых для Достоевского образов праведников в их любви к творению раскрывается в контексте «большого времени» — христианской традиции *милующего сердца* (св. Исаак Сирин), представленной в образе св. Франциска Ассизского.

Эта глубинная перспектива раннехристианской традиции в его текстах присутствует прямо (цитатами и аллюзиями на библейские, святоотеческие, агиографические источники) и в свернутом виде — в клю-

чевых христианских концептах (милость, горящее сердце, созерцание, тайна, апофатика, исихия, благолепие, благообразие, радость, умиление, рай и др.). В русле этой традиции *милующего сердца* Достоевский раскрывает глубочайшую метафизику животных, первозданную, райскую гармонию человека и животных, утраченную после грехопадения.

Со св. Франциском праведников Достоевского (от Мышкина до Зосимы, которого Иван и Алеша называют одним из имен св. Франциска «Pater Seraphicus») сближают духовная радость (*Laetitia spiritualis*); созерцание, переживание мира по-райски преображенным («жизнь есть рай»); восторг перед апофатической непостижимостью премудрого Божьего творения; «дары Божии» — образы птичек, травки, ясной погоды, воздуха, звезд, молящегося Богу творения, в которых проступает францисканский слой (проповедь Франциска птицам и «Песнь брата Солнца»); персонифицированное, индивидуализированное видение природы (экфрасис травки).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аверинцев С. С. «Цветики милые братца Франциска»: итальянский католицизм — русскими глазами // Православная Община. 1997. № 38. С. 104–105.

² Сириин Исаак, преп. Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2002. С. 323–324.

³ Веселовский А. Данте и символическая поэзия католичества // Вестник Европы. 1866. Декабрь. Т. IV. С. 175.

⁴ Ветловская В. Е. Pater Seraphicus // Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. С. 348–351.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 14. С. 298.

⁶ Там же. Т. 30/1. С. 75, 97.

⁷ Там же. Т. 14. С. 292.

⁸ Житие первое св. Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским / Пер. Л. Сумм // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. М.: Духовная Библиотека, 1996. С. 208.

⁹ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 14. С. 148.

¹⁰ Житие первое св. Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским... С. 248.

¹¹ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 14. С. 261.

¹² Цветочки святого Франциска / Пер. А. П. Печковского // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. М.: Духовная Библиотека, 1996. С. 800.

¹³ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 14. С. 263.

¹⁴ Герье В. Франциск. Апостол нищеты и любви. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1908. С. 158.

¹⁵ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 14. С. 272.

¹⁶ Там же. Т. 8. С. 459.

¹⁷ Там же. Т. 14. С. 272.

¹⁸ Веселовский А. Указ. соч. С. 175; Cantico delle Creature [Электронный ресурс] // Storia della letteratura italiana / diretta da Emilio Cecchi e Natalino Sapegno. Milano: Garzanti, 1965; rist. 1984. V. 1. P. 535–536. URL: http://it.wikipedia.org/wiki/Cantico_delle_creature (дата обращения: 30.05.2016).

¹⁹ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 14. С. 267.

²⁰ Cantico delle Creature. Op. cit.

²¹ Шевырев С. О первых поэтах Италии, предшествовавших Данту // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1837. № 3. С. 515.

²² Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 13. С. 287; 290.

²³ Веселовский А. Указ. соч. С. 175.

²⁴ Cantico delle Creature. Op. cit.

²⁵ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 16. С. 75.

²⁶ Там же. С. 342.

²⁷ Там же. С. 48.

²⁸ Шевырев С. Указ. соч. С. 515.

²⁹ Веселовский А. Указ. соч. С. 175.

³⁰ Cantico delle Creature. Op. cit.

³¹ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 14. С. 99.

Medvedev A. A.

Tyumen State University, Russia

**“THE MERCIFUL HEART”: THE IMAGES OF RIGHTEOUS PEOPLE
IN F. M. DOSTOEVSKY’S CREATIVE WORK AND ST. FRANCIS OF ASSISI**

The article discusses images of righteous people in their love for creation in the works of F. Dostoevsky’s (Prince Myshkin, Makar Dolgoruky, Markel, Zosima), in the perspective of early Christian tradition of ‘the merciful heart’ (St. Isaac Sirin), represented by St. Francis of Assisi. In Dostoevsky’s images of righteous people there are some images, motifs and ekphrasis making the Christ-like characters akin to St. Francis.

Keywords: Dostoevsky; image of a saint; Christian tradition; St. Francis of Assisi; Christian concepts; ekphrasis.